

Зиси Вейцман

Бузи Миллер, последний...

Всё началось с письма, полученного в конце января 1971 года от еврейского писателя Бузи (Бориса) Миллера. В ту далекую пору я пребывал в звании старшего лейтенанта на кадровой военной службе в одном из таежных гарнизонов в Амурской области. Прежде чем вручить мне письмо, молодая почтальонша долго разглядывала конверт, на котором диковинными буквами значился адрес: "Редакция газеты "Биробиджанер штерн".

- Это по какому? - с деланным безразличием спросила она. - По-корейски?

- Нет, по-еврейски, - ответил я и взял письмо.

Текст письма на идиш был отпечатан на пишущей машинке. Приведу в переводе лишь небольшой отрывок:

"...Как же так, дорогой Зиси, - сокрушался автор письма, - живете вы на Дальнем Востоке почти рядом с нами и не удосужились до сих пор заглянуть в Биробиджан? То, что ваши стихи опубликованы в "Советиш геймланд", просто чудесно, хотя и грустно, что не в нашей газете. Смею напомнить: Москва - далеко, а Биробиджан - рядом. Надеюсь на скорую встречу с вами..."

Таким был автор этой статьи в те давние годы...

"Рядом" – это почти сутки езды по железной дороге, но, следуя бытующей в здешних местах поговорке, что сто рублей не деньги, а тыща километров не расстояние, я выпросил у командира части краткосрочный отпуск и отправился в путь.

Поясню читателю, что причина для подобной "ревности" у заместителя главного редактора единственной в СССР еврейской газеты имела под собой основание. В январском номере "Советиш геймланд" впервые напечатали два моих стихотворения с фотографией и сведениями обо мне. Бузи Миллер, будучи членом редколлегии журнала, знал наперед содержание очередного номера. Так что в редакции он без проблем и выведал мой домашний адрес. (Уже после моей поездки в Биробиджан, через пару недель, в первый и последний раз обо мне упомянет центральная "Правда" двумя строками:

"Недавно заглядывает ко мне лейтенант, щелкает каблуками, представляется: "Зиси Вейцман" - и рукопись на стол. Пишет стихи на идиш..." (Из интервью Б.Миллера соббору "Правды" по Хабаровскому краю Евгению Бугаенко).

С творчеством прозаика, поэта, драматурга и критика Бузи Миллера я уже был знаком: читал его рассказы, стихи и статьи в "Советиш геймланд", в антологии советской еврейской поэзии "Горизонты", в литературном журнале "Дальний Восток", издающемся в

Хабаровске. В моей домашней библиотеке имелись две его книги прозы в переводе: "Под радугой" (Москва, 1959) и "Земля родная" (Хабаровск, 1965).

*Молодые еврейские писатели (слева направо)
Эм. Казакевич, Г. Диамант, Т. Ген и Б. Миллер, Харьков, весна 1930*

Первая его книга на языке, на котором он писал и думал - на идиш, называлась "Мишмойрэс байтн зих" ("Смены заступают") и вышла в 1931 году в Харькове, в котором в то время работала довольно активная группа молодых еврейских писателей. Через три года у Миллера вышла следующая книга - "Унтэрн рэгнбойгн" ("Под радугой"). Начало было неплохим, к тому же автор и темы выбрал выигрышные: производство, семья и где-то между ними любовь. Героями своих произведений Б.Миллер делал местечковых евреев, стремящихся "к новой, светлой жизни, озаренной солнечными лучами социализма", - отмечали в ту пору критики, рецензируя его произведения.

После непродолжительной работы на одной из харьковских фабрик и дальнейшей учебы в Московском пединституте имени В.И.Ленина молодой Миллер с дипломом учителя словесности в 1936 году приезжает в Биробиджан. Там, в возникшем на болотах городе, он преподает в школе еврейский и русский языки, затем в течение десяти лет работает в областной газете "Биробиджанер штерн" переводчиком, заведомо культуры, замом и, наконец, главным редактором. В 1948 году на мамэ-лошн выходит еще одна его книга - "Биробиджан". Для местного театра Борис Израйлевич пишет вполне патриотическую пьесу "Он из Биробиджана", которую тут же поставили. Следователи потом ему припомнят: националистическая пьеса! Но это случится после того проклятого дня 31 мая 1950 года, когда за ним придут "литературоведы в штатском" (кстати, одного из них он хорошо знал: тот до войны учился у него в старших классах).

А пока, в 49-м, во дворе областной библиотеки имени Шолом-Алейхема пылают костры из книг арестованных в Москве "космополитов" - лучших еврейских писателей страны: Д.Бергельсона, Д.Гофштейна, П.Маркиша, И.Фефера и многих других. Среди объятых пламенем книг и журналов - местные альманахи на еврейском языке "Форпост" и "Биробиджан", в которых напечатаны и произведения Б.Миллера.

...О пребывании в здешних местах корифеев советской еврейской литературы биробиджанские писатели, вышедшие на волю после смерти Сталина, во время моих наездов в Биробиджан в 70-х годах особо не распространялись или делились со мной неохотно. Причина, вероятно, была не только в засевшем глубоко в них страхе (отчасти потому старались о них не говорить), а в том, что они, биробиджанцы, действительно плохо знали этих корифеев, поскольку находились с ними в разных весовых категориях.

Исключение, пожалуй, составил лишь Эммануил Казакевич - Эмма, Эмка, как называли его ввиду молодости и бесшабашности друзья и знакомые. Бузи Миллер сделал Эмку главным персонажем своей повести "Лойтэркайт" ("Ясность"), разумеется, в довольно выдержанных идеологических тонах. Попутно замечу, что наиболее реально к изучению и отображению биробиджанского периода жизни Эм. Казакевича, еврейского поэта, ставшего знаменитым русским писателем, приблизился тогда поэт и журналист Леонид Школьник, который, кстати, сделал переводы многих его стихов.

На исходе 1970 года в областной библиотеке биробиджанская общественность отмечала 75-летний юбилей Переца Маркиша. По этому случаю на вечере в просторном читальном зале с докладом выступил председатель областного литературного объединения Б.Миллер. В то время во всей ЕАО наличествовали лишь два члена союза писателей (поэт Ицик Бронфман и сам Бузи Миллер), а потому писательской организации быть не могло. Докладчик подробно остановился на некоторых произведениях П.Маркиша. Двумя годами раньше в Москве наконец-то был издан на идиш его эпический роман "Трот фун дойрэс" ("Поступь поколений"), набор которого много лет назад был в типографии рассыпан в связи с арестом автора. Б.Миллер подчеркнул значение творчества этого еврейского писателя для всей советской литературы. Но, увы, ни слова не сказал о трагической участи Маркиша, расстрелянного вместе с другими деятелями еврейской культуры 12 августа 1952 года.

На обложке бюллетеня «Амбиджан» за январь-февраль 1949 – группа еврейских писателей Биробиджана. Слева направо (сидят): Б. Миллер, Б. Слуцкий и Н. Фридман; стоят – И. Бронфман, Л. Вассерман, Г. Рабинков, И. Керлер и С. Боржес

Миллеру очень хотелось довести до собравшихся строки письма адресованного ему когда-то Маркишем. В том письме Перец Давидович благодарил Бориса Израйлевича за содействие в постановке своей пьесы "Семья Овадис" в Биробиджанском ГосЕТе. Но Миллер передумал. Во-первых, нескромно, не он один пострадал за этот спектакль, но и те, кто разрешил, - из высокого совпартначальства, а во-вторых, где оно, это письмо? Изъято при обыске лет двадцать назад. Если по правде, то и пьеса не шекспировская, хотя и добротнo сделанная. Сюжет, помнится, такой: в семье председателя еврейского колхоза в ЕАО Зайвля Овадиса сын Калман заменяет на границе родного брата, погибшего в боях с японскими самураями. Весь дружный "колвирт" (колхоз - идиш) принимает горячее участие в постигшем семью горе, окружает ее вниманием и заботой.

Пьеса была написана Маркишем после посещения им Еврейской автономной области, встреч с колхозниками, рабочими, пограничниками. Пьеса создавалась по канонам соцреализма, от которых сам Миллер, следуя примеру старших товарищей, никогда ни на йоту не отступал.

Но и эта пьеса стала поводом для обвинения в еврейском буржуазном национализме. Не спасла Маркиша и его песня, которую исполняли хором в спектакле колхозники "Ломир зинген "а лэхаим" аф дэм либэр хавэр Сталин!" ("Давайте споем здравицу нашему любимому товарищу Сталину!").

Но всего этого Борис Израйлевич, конечно же, не сказал: к чему ворошить прошлое? К тому - невооруженным глазом видно, что "оттепели", как выражались на зоне, пришли кранты".

После доклада, как бы в противовес мрачным мыслям, началась художественная часть вечера. Стихи и отрывки из прозы Маркиша вдохновенно прочитал бывший артист БирГОСЕТа им. Лазаря Кагановича, а ныне режиссер местного народного (то есть самостоятельного) театра Мойше Бенгельсдорф. Ведущие артисты этого же коллектива Бетя Гершкова и Хаим Сегал под аккомпанемент аккордеона в руках Макса Эпштейна, сочинителя песен о счастливой жизни Биробиджана, исполнили несколько народных еврейских песен.

Когда-то после войны Бузи Миллер сидел в кресле ответственного редактора (так тогда называлась должность главного) газеты "Биробиджанер штерн". После шестилетней отсидки в тайшетских лагерях он уже значился в должности ответсекретаря, затем заместителя главного редактора, чему был, пережив столько цорэс, рад. На этой, последней, должности я его и застал, прибыв впервые в Биробиджан. На правах члена Союза писателей Б.Миллер курировал в газете еженедельную литстраницу. При нем язык газеты хоть и был советским (все-таки партийный орган!), но выглядел вполне удобоваримым. На подведомственной ему литературной полосе Борис Израйлевич был сущим диктатором (куда А.Вергелису с его журналом!), правил авторов нещадно, за исключением равных себе и выше, но таковые в "Биробиджанер штерн" печатались редко. Мои стихотворные опусы он зачастую вычищал от любимых мной гебраизмов (слов с ивритскими корнями), вставляя вместо них дайчмеризмы (слова германского происхождения).

* * *

Бузи Миллер родился 21 апреля 1913 года в подольском местечке Копай в Украине, но сумел себя так перестроить, что, позабыв свое южное наречие, говорил на чистом литературном идише - на том, на котором писал. В своих стихах и прозе он шлифовал каждое слово, доводил его до блеска.

Бузи Миллер в Биробиджане, 1979 год

Как-то он попросил меня зайти к нему в кабинет "штэлфартрэтера" (заместителя) и осторожно поинтересовался, могу ли я кроме лирики написать что-нибудь еще - например, стихотворение о партии к очередному съезду. Короткое, не больше двадцати строк. Я-то понимал, что стихи эти нужны не столько партии и газете, сколько самому Миллеру. Когда я ему отдал листок со стихами, Борис Израйлевич что-то по ходу чтения подправил и артистично произнес: "Эс из нит шлэхт, зэйер афилэ нит шлэхт" ("неплохо, очень даже неплохо"). Стихотворение, кажется, называлось "Дир, майн партэй!" ("Тебе, моя партия!") - обычная поделка, без души, сплошной набор трафаретных лозунгов, кои в те годы красовались на плакатах и алых полотнищах, развешанных повсюду. Бузи Миллер, как и все мы в ту пору, кружился на "чертовом колесе", с которого ни соскользнуть, ни спрыгнуть - расшибешься...

* * *

1984 год. На городском стадионе гремят марши - здесь отмечают юбилей Еврейской автономной области, которой исполнилось пятьдесят лет. Вообще-то полвека назад это событие свершилось несколько раньше, но какая теперь разница, кто упомнит? Высокое начальство - биробиджанское и хабаровское, которому подчинялось первое, - давно решило, что будет лучше, если праздник пройдет не 7 мая, когда был издан указ об образовании ЕАО, а летом, в июне. Вместе с областным и краевым начальством, важными посланниками из Москвы на высокой, обтянутой красным кумачом, трибуне стадиона стоял и Борис Израйлевич. Он заметно нервничал, но не от важности мероприятия и присутствия высоких персон. Накануне он, получив какую-то непонятную посылку от "Джойнта", - да-да, того самого "Американского еврейского распределительного комитета", страшно разволновался и всю ночь не спал. Вспомнил, как еще до войны, в одночасье, исчезли люди, которые так или иначе были связаны с "Агро-Джойнтом" - организацией из Америки, добровольно помогавшей молодой еврейской автономии стать на ноги. Наспех запихнув обратно в картонный ящик присланные вещи: новые синие джинсы ("внучке - в самый раз") и женский жакет "со вторых рук" ("подошел бы вполне супруге, Анне Абрамовне"), а также несколько упаковок невиданных доселе жевательных резинок, отправился на почту и уговорил знакомых там работниц вернуть посылку отправителю, заплатив при этом огромную сумму.

Грядет перестройка, и Миллер, осмелев, всё же напишет антисталинскую поэму. В которой расквитается со своим мучителем, но это случится через пару лет, а пока под

легкое дуновение июньского ветерка с Биры-реки он шагнул к микрофону, и над просторным стадионом, над окрестными кварталами новостроек эхом пронеслось:

- Мы туда не поедem! Сионистские зазывалы зря стараются! Наша родина - СССР, Биробиджан - наш дом, и мы туда не поедem! - вдохновенно повторил он и удивился зычности своего голоса.

Когда Миллер закончил краткую речь, к нему подошел первый секретарь Хабаровского крайкома партии Алексей Клементьевич Черный и тепло, по-брежневски, поцеловал его в губы.

Борис Израйлевич Миллер слово сдержал: он "туда" не поехал. Зато туда уехали жена, сын, дочь, внуки. В самый разгар горбачевской перестройки, тяжело больной, он скончался, оставив изданные книги, полные любви к человеку, и неизданные рукописи на идиш, в которых уже некому разобраться по причине незнания этого ставшего уже экзотическим языка. Еще он оставил в Биробиджане улицу своего имени, на которой когда-то жил и не спеша ходил в редакцию, здороваясь с каждым встречным, поскольку в городе все его знали и он знал всех.

25 января 1988 года мой друг, поэт и журналист Леонид Школьник отправил мне телеграмму в Самару (тогдашний Куйбышев): "Умер Бузи Миллер, последний еврейский писатель Биробиджана".

Зихроно ле-враха - вечная ему память!